

не стоит умертвить: нужно только стереть со лба первое «э», тогда останется лишь «мэт», что значит мертвец, и големы мгновенно распадаются, как сухая глина». Этими сведениями о големе снабдил нас немецкий романтик Иоахим фон Арним в повести «Изабелла Египетская».

Потом появился робот.

Он обладает возможностью свободного выбора даже в тех случаях, когда он — всего лишь прикрепленный к полу космического корабля железный ящик у Лема и Фиалковского или одушевленная моторная лодка у Шекли. Он может явиться и в облики человека, быть даже точным его повторением. У Клиффорда Саймака мы встретимся с изготовленным в специальной лаборатории точным двойником мистера Хендерсона Джеймса. В романе Лема «Солярис» мыслящий океан производит двойников людей, образы которых хранятся в памяти сотрудников научной станции.

Все они в чем-то сильнее людей. Все они в какой-то момент начинают представлять опасность. Каждого из них приходится, чтобы освободиться от него, уничтожить.

Когда-то эту задачу взял на себя Франкенштейн. Его монстр вышел из-под власти творца, начал творить вокруг себя зло, и надо было его погубить. Франкенштейну это не удалось. Он погиб сам, преследуя демона, и гибель его была справедливым ему воздаянием. Не за то, что он сотворил своего монстра, а за то, что он сразу же предоставил его самому себе.

Правда, удивительное произведение для «девочки девятнадцати лет». Богоборчество Байрона и Шелли и их интерес к естественно-научным концепциям редко когда перекрещивались друг с другом и, пожалуй, только в «Каине» Байрона по-настоящему соприкоснулись. Мэри Шелли, по существу, сделала то, что сделал лишь восемьдесят лет спустя Герберт Уэллс в научно-фантастическом романе «Остров доктора Моро» — романе, названном им «теологическим гротеском». Там рассказывалось о людях, сотворенных доктором Моро, брошенных им на произвол судьбы и в какой-то момент растерзавших своего творца.

Говоря о теологии, уже Байрон и Шелли говорили о законах мироздания. Говоря о творце, мы все больше говорим о человеке, вернее сказать, об «отвлеченном человеке», об абсолютизированной его творческой способности. Она все больше обнаруживает свою силу, она породила такого страшного монстра, как ядерное оружие, о ней все больше разгорается спор.

Впервые эти споры разгорелись в романе Мэри Шелли. Франкенштейн проклял себя за то, что сотворил свое чудовище. Он умирает с сознанием страшной ошибки, им совершенной. Его демон кажется ему воплощением коварства, злобы, жестокости. Да только таким и можно назвать его, если судить о нем по делам его. Но вот на борт корабля поднимается сам безымянный демон и плачет и рыдает над своим создателем, сумевшим его создать, но не сумевшим приобщить его к человечности.

Сущность отвлеченного знания и всех сил, которые оно порождает, парадоксальна. С одной стороны, оно подчинено собственным законам развития, ему нельзя в этом смысле ничего предписать. С другой стороны, использование его в дурных или добрых целях находится целиком во власти людей. Этот вопрос поставила впоследствии вся литература, склонная к философскому осмыслению объективных закономерностей XX века, научная фантастика в частности. Мэри Шелли написала такую книгу в начале прошлого века.

Поистине удивительная книга для человека, жившего сто пятьдесят лет назад. Прочтите ее. А также и превосходное предисловие А. А. Елистратовой, в котором вы найдете ответы на многие вопросы, не затронутые в этой краткой рецензии.

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

ЦЕЛЬНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе Мих. Зенкевича. Предисловие Н. Тихонова. Редактор выпуска П. Антокольский. Москва, «Прогресс», 1965. 160 стр.

С 1963 года выходят в издательстве «Прогресс» небольшие книжки в мягких обложках — интересно задуманная серия «Мастера поэтического перевода». Она уже познакомила нас с переводческой работой Д. Самойлова, Л. Мартынова. Книжки их посвящены главным образом поэзии социалистических стран Европы. Третий выпуск серии — в нем представлены почти исключительно поэты стран английского языка — снова, и заново, открывает читателю давно усвоенную как будто бы истину: настоящий поэт-переводчик не может быть всеядным. Инстинктивно и безошибочно выбирает он из неубывающего океана мировой поэзии именно тех поэтов, именно такие стихи, которые сродни его собственному поэтическому миру. Правда, случается, что переводящий, если это натура сильная, основательно «подминает» своего переводимого собрата, стихи могут получиться превосходные, но это будет, скорее, оригинальное произведение на заимствованный сюжет. Однако настоящий мастер перевода, посвятивший жизнь этому опасному и порой не очень-то благодарному искусству, работает над хрупким, ускользающим «своим-чужим» материалом с бережной чуткостью ювелира, со строгим уважением к личности поэта. Если необходимо, он скромно отойдет в сторону, пожертвует эффективной техничностью, легкой находкой, лишь бы повернее передать дух и рисунок подлинника.

В сборнике переводов, выполненных поэтом Михаилом Зенкевичем (мы находим

здесь и старые, и новые его работы), большей частью счастливо сочетаются оба эти качества.

Переводчик чаще всего обращается к стихам тех поэтов, творчество которых какими-то гранями, если не своим существом, ему близко. Читая первую книгу Мих. Зенкевича «Дикая порфира», вышедшую в 1912 году, и книгу избранных его стихов «Сквозь грозы лет», появившуюся пятьдесят лет спустя, убеждаешься, что, находя новые темы, во многом меняясь, поэт сохранял свою приверженность к плотному, насыщенному образам стиху, к ярким, резким краскам, к интонации жесткой, а иногда и яростной. Еще в ранних стихах его запоминаются фантастические чудеса мира первозданной природы, увлеченность романтикой первых полетов, полемическая натуралистичность стихов о войне.

Книга переводов Мих. Зенкевича отмечена таким же темпераментом, яркостью, густотой красок; даже тематически этот сборник стихотворений поэтов Англии, США, Австралии, Южной Африки, Испании неожиданно оказывается где-то в кругу интересов русского, советского поэта.

Но при единстве замысла, последовательности отбора материала очень ощутимо стремление переводчика представить каждого поэта таким, каков он есть.

Не всегда это ему удается. Не всегда честная точность помогает донести поэтическое обаяние оригинала. Однако нет сомнения в том, что общее звучание сборника создают стихи удавшиеся.

Сборник назван ответственно: «Поэты XX века». Это не значит, разумеется, что он претендует на антологическую широту и представительность, хотя в нем действительно собраны многие и широко известные имена. Но воспринимать это заглавие следует скорее во временном его аспекте: большая часть стихов, вошедших в книгу, написана между двумя мировыми войнами. Очень значителен раздел, в котором представлены английские поэты — участники первой мировой войны: Сигфрид Сассун, Руперт Брук, Уилфред Оуэн и другие. Лирический патриотизм Р. Брука («Солдат») и простодушный задор Ч. Сорли («Вдоль холмов») звучат одиноко среди

этих голосов, полных боли, ужаса, гнева, сарказма, среди беспощадных в своей точности картин кровавых и зловонных будней войны. Рядом с ироническим лаконизмом Сассуна эпические и страстные строфы убитого в 1918 году Оуэна разворачиваются, как вариации Дантова «Ада».

Мне снилось, что из боя, тьмой искуплен,
Спустился я в туннель, который вкраплен
И просверлен был войнами в граните.
Там спящие валялись, как гранаты,
Охвачены иль тлением, иль снами...

(«Странная встреча»)

Свободный стих Ричарда Олдингтона насыщен раздумьями, реминисценциями, но и это — крик о неприятии враждебного мира и чуждой войны. Из переводов Т. С. Элиота (кое-что здесь уже знакомо нам по антологии, составленной в 1937 году М. Гутнером) особенно удался Мих. Зенкевичу иронический «Гиппопотам», в других же стихах этого сложного, интеллектуально изощренного поэта наталкиваешься порой на ту самую неодоухотворенную точность, которая, вкупе с вдохновенной отсебятиной, подстерегает каждого поэта-переводчика. Не получилось, по-моему, очень плавное и мягкое в подлиннике стихотворение Гарди «Кто роет там на моей могиле?», с его фольклорными повторами и балладным ритмом, порусски оно выглядит угловатым, слова с трудом «вогнаны» в строку. Зато в «Черном дрозде» того же Гарди очень органично, с проникновенным лиризмом воссоздан прозрачный рисунок, трепетное настроение подлинника.

Один из самых близких к нам по времени английских поэтов, талантливый, рано умерший Дилан Томас представлен двумя стихотворениями из числа более «ясных» — усложненная метафоричность и ассоциативность часто затрудняют восприятие его поэзии. Превосходно переведен его «Горбун в парке», отмеченный благородной суровостью и резкостью гравюры; очень тонко и бережно переданное «В октябре» по-английски звучит, пожалуй, более темпераментно, «рапсодично».

Поэтам США отведено значительное место в книге. Здесь и «великолепные старики» Роберт Фрост и Карл Сэндберг, столь несхожие по всему своему поэтическому строю, но близкие друг другу своим демократическим гуманизмом; Э. А. Робинсон, Э. Л. Мастерс, В. Линдзи, Р. Джефферс; революционные поэты Джо Хилл и Майкл Голд; философски-публицистические стихи А. Маклиша и лирика Эдны Винсент Миллэй; два негритянских поэта разных поколений, контрастных по самой своей сути: Поль Лоренс Данбар — переведены его самые трагические стихи — и Лэнгстон Хьюз... Американская часть — наиболее антологичный раздел сборника, и о переводах каждого из этих значительных поэтов можно было бы поговорить отдельно. Запоминается неприкрашенный, прозаический драматизм автоэпитафий «жителей» кладбища маленького городка из знаменитой «Антологии

Спун-ривер» Э. Л. Мастерса; отличный перевод «Призраков бизонов» В. Линдзи — с его стремительным движением и буйным пиршеством мифологических, фольклорных образов.

Я с криком проснулся во мраке ночном.
Звенели все стекла, ударил гром,
И пол колебался, и огненный шар
За дверь раскрытой блеснул, как пожар.
Наружу я выбежал. Город исчез.
Где сад был фруктовый, там девственный лес,

И дом мой — блокгауз, и рядом поток.
Пустынно и тихо, и я одинок...
Вдруг...

Боги индейцев помчались рядами,
Вздымая пылающих факелов знамя,
Медведей, лосей и орлов оседлав,
Неслись они бешеным смерчем

стремглав,
С пронзительным воплем а-ля-ля...

Совсем иного стиля, «под девятнадцатый век», публицистическое стихотворение В. Линдзи «Авраам Линкольн бродит в полночь» также очень естественно и плотно отлилось в свою русскую форму. Удаются Мих. Зенкевичу и лукавая, здравомыслящая, земная поэзия Хьюза, крепко связанная с негритянским фольклором. Но, пожалуй, один из самых лучших переводов этой книги — «Вечеринка мистера Флада» Э. А. Робинсона: этот неторопливо льющийся, горький, добрый и поэтический рассказ о старом фермере, с таким достоинством и юмором несущем бремя своего одиночества. Рядом с этим переводом хочется поставить только «Зулуску» южноафриканского поэта Роя Кампбелла — стихи, в которых находишь излюбленные краски и образы самого Зенкевича. Недаром оно получилось по-русски удивительно ярким и наполненным. В знойный полдень мать-зулуска, отшвырнув мотыгу, кормит грудью ребенка:

...И ротик на сосок ее намотан
И пощечнычьи чмокает слегка;
Она струит в него свою дремоту,
Как в камышах широкая река.

Он впитывает все, что в ней
разъялось, —
Неукротимый зной пустынь глухих,
Племен разбитых скованную ярость
И величавую угрюмость их.

Нетрудно понять, чем привлекла внимание переводчика поэма Гарсиа Лорки «Плач по Игнасьо Санчесу Мехнасу», повествующая о гибели прославленного испанского матадора. Эмоциональный накал, стремление теснящих друг друга образов, закованная в строгую мелодию традиционного траурного плача, — все это должно было увлечь поэта, который издавна искал и находил яркие краски и страстность даже в сдержанном, замкнутом творчестве англо-саксов.

Эта небольшая книжка многим обогатит своих читателей, и прежде всего — стойкими художественными впечатлениями. Переводы Мих. Зенкевича говорят не только о большом даровании и большом, многолетнем труде, но и о высокой культуре самих поисков, отбора, изучения зарубежной поэзии нашего времени.

И. ЛЕВИДОВА

ЗЕРКАЛО ЖИЗНИ

Вьетнамские сказки. Перевод с вьетнамского, предисловие и примечания М. Ткачева. Москва, «Художественная литература», 1965. 229 стр.

А вторы этой удивительной книги — современные писатели Вьетнама, — на первый взгляд, лишь продолжают традицию сатирической сказки, где действующими лицами выступают животные, перенявшие образ мыслей, черты характера и поступки у людей. Но вьетнамские писатели раздвигают рамки старой сказки, «скрепчивают» ее со старинным приключенческим романом, с романом рыцарским, и потому к заглавию сборника «Вьетнамские сказки» правомерно примыкает привычный по книгам двухсотлетней давности подзаголовок: «Книга о великих подвигах и необычайных приключениях славного кузнечика Мена, а также Рыцаря Черной мантии, который был ни уткой, ни гусем».

Герои сказок: кузнечики, мыши, псы, коты, петухи и гуси — обладают сочетанием повадок животных и человеческой психологии. Паук своими могучими челюстями отсекает усы кузнечика Мена — но от этого жестокого акта Мен образумливается, и у него просыпается совесть. Мыши организуют торжественное шествие в честь лауреата, выдержавшего королевский экзамен, — но при виде кота с громким писком разбегаются. А кот — не просто кот, но властитель и угнетатель мышиного царства, его высочество Дранный Кот. И карьера самого лауреата-мыши обрывается из-за того, что он лишился хвоста. Псы, жившие с домашним котом, «как кошка с собакой», забыв о давней вражде, выручают кота из беды и братаются с ним. И даже псевдорыцарь селезень Нган, обжора, пройдоха и хвастун, способный влюбиться и в пень, находит себе достойного друга — злобного неведьму, мошенника и картежника Гусака.

Людей немного на страницах сказок. Они лишь эпизодические герои, хозяева домашних животных или тюремщики диких зверей. Они разговаривают только между собой, почти не вступая в диалоги с животными. Это поддерживает иллюзию достоверности происходящего в такой же мере, как и естественное поведение животных.

Композиционно вьетнамские сказки очень различны. Повествование «О великих подвигах и необычайных приключениях кузнечика Мена, описанных им самим», принадлежащее перу То Хоая, — настоящий приключенческий роман. Герой его раскрывает перед читателем свою душу, исповедуется перед ним во всех прегрешениях своей юности и подводит его к соответствующим моральным выводам без излишней назидательности. Как и герои классических романов, кузнечик Мен, еще совсем «зеленым», отправляется в путешествие, чтобы изучить

СРЕДИ КНИГ